

Только они не знали, что в этот момент за ними кто-то тайком наблюдал.

И этим соглядатеем был не кто иной, как Чэн Чэнь.

Еще когда Шань Ли только вышел, Чэн Чэнь крадучись последовал за ним. Изначально он руководствовался лишь любопытством и хотел узнать, зачем тот куда-то направляется, но никак не ожидал, что увидит, как Шань Ли тайком встречается с другим мужчиной.

Чэн Чэнь злобно усмехнулся, его взгляд сочился злорадством.

Если А-Цзэ об этом узнает, Шань Ли, ну погоди, посмотрю я, как ты теперь будешь оправдываться!

Он крепко сжал телефон и исподтишка сфотографировал Шань Ли и Сы Наня.

На снимке распустившиеся цветы выглядели невероятно свежими и манящими, синее небо и белые облака создавали потрясающе живописный пейзаж. Чуть изящная спина Шань Ли и широкая спина Сы Наня шли рядом, и хотя между ними оставалось некоторое расстояние, в этом неизменно чувствовалась какая-то гармоничная, трогательная красота.

Уголки губ Чэн Чэня изогнулись в улыбке победителя. Дождавшись, пока те уйдут далеко, он выбрался из зарослей кустарника и позвонил Чу Тяньцзэ.

Алло, А-Цзэ? Мой друг заметил Шань Ли... На этот раз всё по-настоящему... Я скину тебе фото...

В строгом и мрачном кабинете Чу Тяньцзэ смотрел на экран телефона, его зрачки резко сузились. Он слегка закусил губы, а его лицо стало настолько ледяным и угрюмым, что от одного взгляда становилось жутко. Внезапно он яростно взмахнул рукой.

Раздался громкий хлопок, и телефон в ту же секунду разлетелся на куски.

Ах ты, Шань Ли, да как ты смел меня предать!

Стоявший неподалеку помощник затаил дыхание. Он смотрел, как Чу Тяньцзэ, разъяренный словно дикий зверь, вылетает из кабинета, и лишь после этого смог перевести дух. Юноша невольно терзался догадками о том, что же такое произошло, раз генеральный директор пришел в такую страшную ярость.

Но как бы то ни было, раз босс был так рассержен, участь этого человека окажется весьма незавидной.

Помощник тяжело вздохнул и велел уборщику убрать осколки телефона.

.....

Шань Ли, Шань Ли, о чем ты думаешь? У тебя такое бледное лицо.

Голос Сы Наня прозвучал прямо над ухом.

Шань Ли резко отпрянул назад, стараясь держаться от Сы Наня на расстоянии.

Ни о чем таком.

Он вытер со лба холодный пот, всё еще пребывая в растерянности.

Только что в его сердце внезапно поднялась волна беспричинной тревоги. Это чувство нахлынуло так стремительно и мощно, что у него почти перехватило дыхание. Ему смутно показалось, что вот-вот произойдет что-то ужасное, и в тот же миг в душе возникло непреодолимое желание сбежать отсюда.

Губы Шань Ли слегка подрагивали, он виновато посмотрел на Сы Наня:

— Прости, мне нездоровится, я бы хотел вернуться домой пораньше.

У Сы Наня были к Шань Ли определенные тайные чувства. Он с таким трудом вытащил его на прогулку, разве мог он теперь отпустить его так легко? Сы Нань опустил взгляд на изящные ключицы Шань Ли, белевшие под тонкой кожей, и его вдруг бросило в жар.словно юный, только что познавший любовь мальчишка, он в каком-то порыве возбуждения заключил Шань Ли в объятия.

— Шань Ли, я... ты мне нравишься, не мог бы ты быть со мной?

Шань Ли испугался выходки Сы Наня и попытался вырваться практически в ту же секунду:

— Сы Нань, отпусти, сначала отпусти меня!

Хотя Сы Нань раньше никого по-настоящему не любил, интуиция подсказывала ему: стоит только разжать руки, и Шань Ли убежит. Поэтому он не только не ослабил хватку, но и сжал руки еще крепче.

В этот самый момент откуда-то сбоку раздался голос:

— Какая восхитительная сцена.

Чу Тяньцзэ приближался к ним, лениво похлопывая в ладоши. Если бы не его пугающе мрачное выражение лица, он действительно походил бы на праздного зрителя, наслаждающегося хорошим спектаклем.

Он посмотрел на Шань Ли, и температура в его глазах упала до предела:

— Что, до того дешевая? Так сильно любишь, когда тебя лапают мужики?

Как только Чу Тяньцзэ произнес первые слова, тело Шань Ли мгновенно оцепенело. Кровь в его жилах словно потекла в обратную сторону, а по всему телу прокатилась волна холода.

В голове образовалась абсолютная пустота, он никак не ожидал, что такое вообще может случиться. Шань Ли знал: даже если между ним и Сы Нанем не было ничего предосудительного, даже если он встанет на колени и будет умолять о прощении, Чу Тяньцзэ не поверит ни единому его слову. Сердце затопило беспредельное отчаяние.

Пусть Сы Нань и туго соображал в амурных делах, это вовсе не значило, что у него низкий эмоциональный интеллект. В тот момент, когда появился Чу Тяньцзэ, он почувствовал, как тело человека в его объятиях напряглось — так, будто тот смертельно боялся только что появившегося мужчины.

Он не знал, что именно произошло между Шань Ли и этим незнакомцем, но точно понимал одно: он обязан защитить того, кто ему дорог.

Сы Нань заслонил Шань Ли собой и настороженно посмотрел на Чу Тяньцзэ:

— Что ты такое говоришь! Я не позволю тебе просто так оскорблять Шань Ли!

Чу Тяньцзэ презрительно усмехнулся. Его взгляд по-прежнему оставался холодным и свирепым, он в упор смотрел на Сы Наня, и в его глазах от гнева даже проступили красные прожилки.

Он решительно, грубо и властно притянул Шань Ли к себе. То, что Шань Ли попытался с неудовольствием сопротивляться, лишь сильнее разожгло его ярость.

— Он тебе нравится? Чу Тяньцзэ мрачно смотрел на Сы Наня, в глубине его глаз таилась жажда убийства.

Сы Нань признался: — Да, он мне нравится. Если ты тоже любишь Шань Ли, я могу сойтись с тобой в честной борьбе!

— Борьба? Да ты хоть достоин со мной бороться? — на лице Чу Тяньцзэ проступило презрение. Он посмотрел на Шань Ли и с силой притянул его к себе в объятия. — К тому же, Шань Ли всего лишь...

Шань Ли с чувством унижения широко раскрыл глаза. Он посмотрел на Чу Тяньцзэ и взмолился: — Нет, умоляю тебя, не говори...

Сы Нань был его единственным хорошим другом, и Шань Ли не хотел, чтобы тот узнал, каким грязным и презренным было его нынешнее положение, а еще меньше он хотел видеть во взгляде Сы Наня отвращение и презрение.

Это было единственное крошечное самоуважение, что у него осталось.

Но разве Чу Тяньцзэ волновало, есть ли у Шань Ли гордость? Он жаждал обломать Шань Ли все крылья, чтобы тот мог зависеть исключительно от него.

Поэтому Чу Тяньцзэ только рассмеялся — его смех был на редкость жестоким. Посмотрев на Сы Наня, он произнес: — Ты думаешь, Шань Ли такой святой и чистый? Да он всего лишь маленький продажный актер, которого я держу на содержании. Стоит мне захотеть, и он будет вести себя как течная сука, подставляясь под хуй.

Видя, как Сы Нань потерял дар речи, Чу Тяньцзэ испытал еще большее, мстительное удовлетворение. Не колеблясь ни секунды, он на глазах у Сы Наня поцеловал Шань Ли в губы.

Чу Тяньцзэ было абсолютно все равно, что Шань Ли стоял столбом — его волновала лишь сладость победы над соперником.

Сы Нань оцепенело смотрел на Шань Ли, чувствуя, будто его сердце сжали в тисках. Он не

знал, что сказать, приоткрыл рот и лишь спустя долгое время выдавил из себя: — Это правда, Шань Ли? Я не верю ему, я верю тебе.

Шань Ли опустил веки, его взгляд потускнел.

Он слышал угрозу Чу Тяньцзэ, звучавшую прямо у него в ушах.

— Контракт...

Шань Ли мучительно закрыл глаза.

— Правда.

Сы Нань был близок к нервному срыву, оставаться там он больше не мог и бросился бечь сломя голову.

И только тогда на губах Чу Тяньцзэ появилась победная улыбка. Он схватил Шань Ли за руку и затащил в машину.

— Не спеши, мы с тобой еще успеем разобраться во всем по возвращении.

Вернувшись в комнату, Чу Тяньцзэ швырнул Шань Ли на кровать, словно какую-то рваную тряпку.

Шань Ли знал, что его ждет дальше, и с тупым, оцепенелым выражением закрыл глаза.

Однако через мгновение Чу Тяньцзэ не навалился на него, как обычно, — вместо этого в комнате раздались шаги туда-сюда.

Шань Ли резко открыл глаза и увидел черную видеокамеру.

Камера стояла у края кровати, прямо напротив него.

В сердце Шань Ли поднялась странная, давящая паника. Он безумно захотел разбить камеру, но на полпути его руку перехватили.

Уголки губ Чу Тяньцзэ изогнулись, а во взгляде читалась свирепость дикого волка.

— А теперь мы можем спокойно посчитаться с тобой.

Замена белого лунного света для деспотичного и бездушного президента

Под этим взглядом Шань Ли прошло леденящим холодом. Он начал пятиться назад, но Чу Тяньцзэ, заранее разгадав его движение, жестко и безапелляционно притянул его обратно.

Он безжалостно прижал Шань Ли к постели: сначала разорвал в клочья последние остатки одежды на нем, а затем включил камеру, записывая все происходящее и безжалостно уничтожая самоуважение Шань Ли.

Шань Ли издавал от боли тихие, похожие на всхлипывания стоны, его кончики пальцев побелели от того, как сильно он вцепился в простыню, а голос охрип и стал неприятным от непрекращающихся мольб.

Но даже после этого Чу Тяньцзэ не собирался его отпускать.

Он по-прежнему упорно оставлял свои метки на каждом дюйме кожи Шань Ли.

— Я виноват, я больше никогда так не буду, умоляю тебя, выключи ее... — в исступлении молил Шань Ли, теряя рассудок.

Уголки губ Чу Тяньцзэ слегка приподнялись, и его обжигающее дыхание овеяло шею юноши: — Я не могу ее выключить. Разве тебе не нравится этот Сы Нань? Уверен, если я отправлю ему эту запись, он будет чрезвычайно доволен.

Зрачки Шань Ли сузились, и последний крошечный огонек в его глазах окончательно погас, сменившись ледяной и пустой пустотой.

С того дня Шань Ли словно подменили.

На его лице больше не было никаких эмоций. Даже когда над ним издевались, выдавливали из коллектива или намеренно выводили из себя, его лицо оставалось бесстрастным, а в глазах застыла пустая холодность.

В конце концов он вообще перестал разговаривать.

Целыми днями он сидел под палящим солнцем — сидел с утра до вечера.

Слуги в особняке гадали, не повредился ли Шань Ли рассудком после какого-то потрясения.

Чэн Чэнь, как главный победитель, одновременно жалел его и радовался собственной победе. Глядя на то, как Шань Ли механически ест, словно деревянная кукла, он бросил взгляд на

стоявшего рядом Чу Тяньцзэ, демонстрируя свою чуткость и понимание. А Цзэ, у Шань Ли случайно не заболело что-то? Может, позовем врача, пусть осмотрит его?

Глядя на Шань Ли, Чу Тяньцзэ потерял даже всякое желание есть. Он был уверен, что Шань Ли дошел до такого состояния лишь потому, что всё еще тоскует по этому Сы Наню. При одной мысли об этом настроение Чу Тяньцзэ испортилось.

Его лицо помрачнело, и он холодно фыркнул:

— Не нужно. Он просто притворяется. Такой человек не стоит твоей заботы, Сяо Чэнь.

— Но...

Чэн Чэнь со вздохом опустил голову, однако на его лице проступила улыбка победителя.

— Никаких но.

Потеряв аппетит, Чу Тяньцзэ тут же вышел из дома.

Продолжая примерять на себя образ триумфатора, Чэн Чэнь всюду куражился перед Шань Ли. То он нарочно обливал его обжигающе горячей водой, то запрещал слугам давать ему еду, обращаясь с ним как с какой-нибудь забавной игрушкой.

Но он и помыслить не мог, что в конце концов Шань Ли решится на самоубийство.

Тот вертел в руках нож, его лицо побелело до почти прозрачного состояния, и он, опустив взгляд, сосредоточенно чертил лезвием по коже, словно решая, куда именно нанести удар.

Чэн Чэнь испугался, но в глубине души он куда сильнее желал смерти Шань Ли.

А вот Чу Тяньцзэ запаниковал. Плевать он хотел на острый нож в руках Шань Ли — бросившись вперед, он в одно мгновение отобрал оружие. Это оказалось настолько легко, что он даже не сразу в это поверил, но радость от обретения утраченного заставила его позабыть обо всем остальном. Он долго крепко прижимал Шань Ли к груди и лишь спустя долгое время наконец перевел дыхание, велел позвать личного врача.

Личный врач был высококлассным специалистом медицинской сферы, которому Чу Тяньцзэ платил огромные деньги. За исключением сложных хирургических операций, он разбирался практически во всем.

Осмотрев Шань Ли, врач тут же вынес вердикт.

Он сурово посмотрел на Чу Тяньцзэ:

— Господин Чу, у этого пациента депрессия. Если возможно, я бы хотел попросить вас нанять профессиональных сиделок, чтобы они некоторое время ухаживали за ним. Иначе подобные инциденты могут повториться.

Чу Тяньцзэ ошеломленно глядел на лежащего на кровати Шань Ли с остекленевшим взглядом, и сердце его сжалось.

— Хорошо.

Врач не до конца верил Чу Тяньцзэ, но лезть в чужие семейные дела не стал. Тяжело вздохнув,

он добавил:

— Кстати, депрессия — это не анорексия, аппетит не пропадает навсегда. Судя по всему, пациент уже сутки ничего не ел и не пил, надеюсь, господин Чу обратит на это внимание.

Чу Тяньцзэ резко сжал кулаки и в растерянности отступил на шаг.

Вот почему ему удалось так легко отобрать нож! Оказывается...

Он яростно рывкнул на слуг, столпившихся у дверей:

— Как вы за ним ухаживали?! Какая от вас польза, раз я плачу вам деньги?!

Слуги испуганно вздрогнули и растерянно переглянулись с Чэн Чэнем.

Улыбка Чэн Чэня стала натянутой:

— А Цзэ, это я позвал Шань Ли вниз пообедать, но он не послушал, поэтому... А Цзэ, если хочешь кого-то винить, вини меня.

Раньше Чу Тяньцзэ никогда бы не стал обвинять Чэн Чэня.

Но нынешний Чу Тяньцзэ изменился. Услышав это, он скривился от отвращения:

— Раз он не спустился, неужели нельзя было велеть отнести еду наверх?!

Чэн Чэнь впервые в жизни услышал от Чу Тяньцзэ такой суровый выговор. Он так и остался стоять на месте, долго не в силах прийти в себя.

Наблюдая за тем, как Чу Тяньцзэ с тревожным выражением лица сидит у постели Шань Ли и заботится о нем, Чэн Чэнь внезапно почувствовал, как сердце тревожно заколотилось. Никогда прежде он не испытывал такого страха. Отупев от ужаса, он брел обратно в свою комнату, и лишь тогда в его голове впервые зародилась мысль о том, что пора позаботиться о собственном будущем.

...

Чу Тяньцзэ нанял нескольких профессиональных сиделок ухаживать за Шань Ли, но на душе у него все равно было беспокойно: он решил, что, как только закончатся эти хлопотные дни, он начнет всюду брать Шань Ли с собой и присматривать за ним лично.

Чэн Чэнь видел все перемены в Чу Тяньцзэ и во всем винил исключительно Шань Ли, питая к нему лютую ненависть.

Воспользовавшись тем, что сиделки ушли на обеденный перерыв, он крадучись проскользнул в комнату Шань Ли.

Глядя на лежащего на постели Шань Ли, Чэн Чэнь сбросил всю маскировку, и его лицо исказилось в злобной, устрашающей гримасе:

— Во всем виноват ты! Это из-за тебя! Если бы не ты, А Цзэ продолжал бы любить меня! Ты разрушил наши отношения!

Он продолжал изливать тираду, искренне полагая, что, как бы он ни изощрялся, Шань Ли

останется безучастным. Каково же было его удивление, когда Шань Ли не просто приподнялся на постели — от него исходило совершенно иное ощущение.

— Человек, много лет узурпировавший чужие чувства, вряд ли имеет право произносить такие слова.

Шань Ли склонил голову набок, и на его утонченном, ослепительно прекрасном лице вдруг проступила тень демонизма. Уголки его губ тронула зловеще-соблазнительная улыбка, а темные глаза в упор, не мигая, впились в Чэн Чэня.

Столкнувшись с таким взглядом, Чэн Чэнь невольно попятился.

— Ч-что ты такое говоришь?

Шань Ли лениво привалился спиной к изголовью кровати:

— Эй, неужели ты и правда верил, что Чу Тяньцзэ влюбился в тебя с первого взгляда?

Он внезапно соскочил с постели, достал из какого-то тайника документы и швырнул их в сторону Чэн Чэня.

Слегка приподняв изящный подбородок, он знаком велел Чэн Чэню открыть бумаги.

Тревога в груди Чэн Чэня лишь усилилась. Дрожащими руками он развернул пачку документов, но стоило ему взглянуть на первую страницу, как все силы разом покинули его тело, и он рухнул на пол.

Жадно хватая ртом воздух, он в ужасе шептал:

— Почему так?

Как... как настоящей заменой мог оказаться я?

В документах рассказывалось вовсе не о чем-то постороннем — речь шла о событиях из детства Чу Тяньцзэ и Шань Ли.

На самом деле в детстве Чу Тяньцзэ вовсе не был столь влиятельным и возвышенным. Он сирота, которого собственные родители бросили в детском доме.

Там его постоянно били и оскорбляли, морили голодом, и дни его тянулись в беспросветной нужде.

Именно шестилетний Шань Ли спас его тогда из беды и привел к себе домой худенького восьмилетку Чу Тяньцзэ.

Семья Шань Ли окружила Чу Тяньцзэ невиданным прежде теплом, заставив проникнуться к ним глубочайшей благодарностью, а к хорошенькому и доброму малышу Шань Ли он и вовсе привязался всей душой.

Чу Тяньцзэ оставалось лишь усердно учиться, чтобы не обмануть их ожиданий, и в одиннадцать лет его отправили на учебу за границу.

Когда в двадцать два года Чу Тяньцзэ вернулся на родину, построив собственный бизнес, и бросился разыгрывать семью Шань Ли, выяснилось, что за пять лет до этого они погибли в

автокатастрофе.

По слухам, в живых остался лишь один Шань Ли.

Чу Тяньцзэ терзал себя за то, что не вернулся раньше, и задействовал все свои связи в попытках отыскать Шань Ли, но разве легко отыскать человека в море людских лиц?

Прошло несколько месяцев, а зацепок так и не появилось.

Обессиленный и отчаявшийся Чу Тяньцзэ в тот самый момент случайно столкнулся с Чэн Чэнем.

Внешне Чэн Чэнь на семь десятых походил на Шань Ли в детстве, и Чу Тяньцзэ безоговорочно решил, что перед ним тот самый младший братик из его прошлого.

То, что Чэн Чэнь ничего не помнил, не вызвало у Чу Тяньцзэ никаких подозрений — он списал все на амнезию как последствие автокатастрофы, не просто признав в Чэн Чэне родную кровь, но и окружив его заботой как любимого человека.

Именно поэтому всё и привело к текущему финалу.

...

Чэн Чэнь запаниковал. Глядя на Шань Ли, он вскричал:

— Если ты с самого начала знал правду, почему раньше не рассказал все Чу Тяньцзэ?

Улыбка Шань Ли мгновенно испарилась, а в глазах легла мрачная хмарь:

— Разумеется, ради мести Чу Тяньцзэ.

— Псих!

От зловещего блеска в глазах Шань Ли у Чэн Чэня мороз пробежал по коже.

Шань Ли пренебрежительно усмехнулся, и его тонкие, белые как фарфор пальцы ритмично застучали по крышке стола:

— У тебя есть два пути. Первый — прямо сейчас собрать вещи и катиться на все четыре стороны. Разумеется, в таком случае ты останешься ни с чем. И второй...

Шань Ли приподнял подбородок Чэн Чэня, кривя губы в усмешке:

— Я даю тебе месяц. Если за этот месяц ты сумеешь прибрать к рукам акции Чу Тяньцзэ, не только эти документы никогда не всплывут наружу, но ты еще и станешь истинным миллиардером. Ну как?

Чэн Чэнь против воли поддался искушению.

В его глазах вспыхнул огонь жадного вожеления, и он посмотрел на Шань Ли:

— Я выбираю второй путь.

...

Месяц пролетел в отчаянной борьбе за каждую секунду.

Чэн Чэнь больше не скрывал своей страсти к деньгам. Он принялся названивать остальным акционерам группы, и в мыслях видел себя не иначе как генеральным директором корпорации.

Но разве мог Чэн Чэнь, будучи по сути мальчишкой, утаить свои махинации от Чу Тяньцзэ?

Чу Тяньцзэ не раз слышал от помощника о странностях в поведении Чэн Чэня, однако не спешил делать ему предупреждения.

Он хотел воочию увидеть, к чему клонит Чэн Чэнь, по-прежнему отказываясь верить, что тот самый добрый и милый братик из прошлого способен на подобные поступки.

Помощник лишь беспомощно вздыхал, глядя на слепоту шефа.

Разве слепое бегство от проблем могло чем-то помочь?

Тому, чему суждено случиться, суждено было произойти.

В последний день месячного срока Чэн Чэнь потерял последние остатки терпения и перешел к решительным действиям.

Однако вместо поддержки со стороны акционеров его встретили лишь презрительные, полные насмешки взгляды.

Запаниковав, Чэн Чэнь получил вызов в кабинет генерального директора. По дороге ему на телефон пришло сообщение, открыв которое, он окончательно рухнул в бездну отчаяния.

Мне очень жаль, но ты потерпел поражение. Настало время понести наказание.

Отправитель: Шань Ли.

С ватными ногами переступив порог кабинета, Чэн Чэнь еще пытался что-то бормотать в свое оправдание, но стоило ему бросить взгляд на документы в руках Чу Тяньцзэ, как всякая надежда умерла.

Вглядываясь в бумаги, Чу Тяньцзэ, казалось, до сих пор не верил, что в реальности мог разыгаться столь нелепый фарс.

Выходит, Чэн Чэнь, о котором он с таким трепетом заботился и которого защищал, от начала и до конца был лишь фальшивкой. Выходит, тот, кого он третировал и калечил все это время, и был его настоящим, добрым младшим братом.

<http://bllate.org/book/21501/2203384>